

альны. Кандидат узнает только конечное решение. Звучит оно примерно так: «мы посмотрели и решили, что ты молодец, отлично отработал эти три года и мы рады, что ты все еще с нами». Если ты провалишь аттестацию, есть риск покинуть рабочее место. Конечно, если с твоим именем будет связан страшный скандал, выкинуть вполне могут, не дожидаясь и трех лет.

Через пять-шесть лет грянет самая серьезная аттестация, в процессе которой решается, достоин ты «тенуры» или нет. Слово «Tenure» имеет несколько значений, одно из кото-

Одна моя коллега шутит, что университет как избалованный любовник. Ему нужно еще двадцать пять претендентов, чтобы он знал тебе цену.

рых, применительно к академической среде, таково: пожизненное, неотчуждаемое право на рабочее место. История тенуры богата разными случаями, но сухой остаток такой: профессор, имеющий в своем университете тенуру, может свободно отстаивать любые свои взгляды публично, не беспокоясь о том, что его могут уволить. Поэтому вопрос о тенуре рассматривается огромной комиссией в течение целого семестра, слишком уж велики ставки. На этом этапе, естественно, повышается и зарплата, но главный смысл тенуры — академическая свобода и неотъемлемое право «истину царям с улыбкой говорить». Ну, а воспользуешься ты этим правом или нет, уж дело твое. 📌

Текст подготовил
Иосиф Фурман.

ЗАМЕТКИ С ЗАПАДА

Впечатления о том, чему и как учат студентов в Европе.

Мария Березанская

Образ европейского студенчества: утонченная интеллектуальность и жаркие споры с преподавателями, непрменный свитер с шарфом и высокие стандарты образования.

Попадая в другое образовательное измерение, открываешь новую Вселенную: за интеллектуальной элегантностью западных коллег скрывается узость, кажущаяся с высоты отечественного фундаментального образования почти профанацией.

И дело даже не в том, насколько отличаются учебные планы, списки литератур или количество ступеней, это всего лишь формальности, дело в том, что процесс образования на пресловутом Западе понимается совсем иначе.

Что самое главное в золотое студенческое время? Свобода! Это прекрасное чувство открытого и бесконечного горизонта, куда есть силы бежать и тысяча дорог перед тобой.

Эта свобода совершенно по-разному ощущается «здесь» и «там». В России это свобода всеильного юношеского максимализма, который скользит и в самомнении студентов, и в интеллектуально вычурных лекциях профессоров. Когда я попала на свою первую в жизни лекцию по истории зарубежной философии (в отечественном естественно исполнении), то наш преподаватель начал с пары фраз на древнеегипетском, при этом на доске стремительно выстраивались неровные ряды загадочных знаков. Зато потом преодолев «эффект погружения», российский студент быстро начинает ориентироваться даже в совершенно незнакомом материале, что ставит его в довольно выгодное положение, хотя и приучает к некоей образовательной лени — ничего, выкручусь! На западе же лекция строится вокруг студента-середнячка, которому надо непременно все разложить по полочкам и донести до него главную мысль, которая, как правило, совпадает с названием лекции. Конечно, в обоих случаях бывают исключения, но культурный main stream остается, тем не менее, таким.

Зато формализм в раскрытии тем с лихвой окупается свободой выбора предметов, которую имеют европейские и американские студенты. Закостенелая советская система образования пытается вдолбить максимальное количество дисциплин, необходимость большинства из которых в ре-

альной жизни вызывает большие сомнения. Западная модель — конструктор, который собирает по своему усмотрению сам студент. При этом часто можно выбрать не только набор предметов, но и время, когда они будут идти. Студенты могут работать утром и днем, а приходиться на занятия к 8 вечера. Нечто вроде нашего вечернего образования, с той только разницей, что на следующий день ты можешь прийти в университет уже к восьми утра. Учебные курсы можно распределить по своему усмотрению и сдавать экзамены не в тот семестр, когда это предписано учебной частью, а когда это удобно студенту. Но за счет этого процесс образования может затянуться на многие годы, например в Германии и Швейцарии «вечные студенты» учатся по 9-10 лет и выходят в жизнь уже совершенно взрослыми людьми.

За интеллектуальной элегантностью западных коллег скрывается уость, кажущаяся с высоты отечественного фундаментального образования почти профанацией.

Кроме того, западное образование отличается большей гибкостью и отзывчивостью бытовых и «учебно-производственных» учреждений, типа «студенческая столовая» и «библиотека». В Германии вопрос «как пройти в библиотеку?» в три часа ночи никого не удивит, потому что многие библиотеки работают и по ночам! Мечта бедолаги-студента, которому срочно, ну просто экстренно-важно и необходимо за эту самую последнюю ночь написать реферат/эссе/курсовую. А в Дании в университетской столовой было замечено пиво. Студенты — они уже взрослые люди, сами решают пить им или учиться, это определенная степень доверия, которая по известным причинам отсутствует в нашем обществе. Какое там пиво, если в новом здании МГУ даже жвачку не продают, чтобы студенты не портили казенное имущество, а вы говорите доверие...

Интересно, что в России большая часть информации по гуманитарным дисциплинам дается в текстовом виде: лекции, дискуссии на семинарах, книги — в основном одни буквы и никаких картинок. Казалось бы, от иллюстраций можно уже и отказаться: студент — не первоклашка, ему для того, чтобы понять, что это буква «К», всем известно рогатое и бородатое животное рисовать не нужно. Но, тем не менее, большинство лекций на Западе сопровождаются аудиовизуальным рядом, чаще всего, это презентации в Power Point. Сначала мне казалось, что мы вернулись

в эпоху позднего средневековья, когда в угоду неграмотному народу «для иллюстрации Священной истории» стали использоваться изображения Евангельских сцен. Но потом, приглядевшись внимательней к европейской науке вообще, я поняла, что это часть более глобального процесса визуализации науки, и, в частности, образования. Двадцатый век с его структурализмом и постструктурализмом — по преимуществу текстовая культура, где царил культ слова. Почти все культурные феномены рассматривались и анализировались как текст, а визуальная составляющая всегда оставалась побочной, иллюстративной, в образовании она использовалась лишь как мнемонический прием, облегчающий запоминание очередного текста. Но с появлением Интернета приоритеты меняются: сначала текст и картинка оказываются на равных, а постепенно текст становится составляющей визуального образа, который мы видим на экране компьютера и этот визуальный образ начинает доминировать. Именно поэтому часть информации принципиально не может быть транслируема в текст.

Конечно, что и где ему учить — каждый выбирает сам. Как водиться, у обеих систем есть и плюсы, и минусы, и невозможно дать ответ как студенту уцелеть между Сциллой узкоспециального западного образования и Харибдой фундаментального российского. Любое образование дает нам навык воспринимать и обрабатывать информацию, учит мыслить, и с этим, пожалуй, успешнее справляется отечественная школа. А вот западное образование ориентировано на практику, особенно разница видна в гуманитарных дисциплинах, которые отчаянно пытаются быть прикладными. ❏